

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Каримов Данил Азаматович

Институт представительства: общие начала и перспективы их применения

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Иванов Антон Александрович
кандидат юридических наук, доцент

Москва - 2024

Диссертация выполнена в департаменте частного права факультета права
федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики»

С текстом диссертации можно ознакомиться на сайте НИУ ВШЭ:
<https://www.hse.ru/sci/diss/>

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования предопределена целым рядом факторов.

Прежде всего, в этом контексте является важным фундаментальное значение самого института представительства. Причем, как показано в настоящей работе, в проблематике представительства еще немало теоретических вопросов, по которым отсутствует консенсус или даже не предпринята попытка его обнаружить — как в рамках отдельных правовых систем, так и на универсальном уровне (в сравнительном аспекте). Даже такие крупные вопросы, как правовая природа, а также содержание и особенности полномочия представителя, конститутивного элемента отношений представительства, нуждались в дополнительном изучении и, в известной степени, в переосмыслении. Также в российской литературе нет подробного труда, подвергающего анализу конкретные группы императивных и диспозитивных норм законодательства для целей изучения особенностей методологии регулирования отношений представительства.

Особую актуальность настоящему исследованию придает недостаточная разработка в российском праве института фидуциарности. Фидуциарность (а также такие категории, как ведение чужого дела или *agency*) не представлена ни в качестве общей нормы в законодательстве, ни как конвенциональная концепция в доктрине. При этом анализ показывает, что это явление объективно существует в российской правовой действительности и, в частности, находит отражение в судебной практике, а также обуславливает наличие ряда специальных норм, в том числе в сфере представительства. При этом в отсутствие концепции фидуциарности роль ресурса, из которого выводятся ее общие начала, необходимые для решения ряда практических задач, принял на себя институт представительства. То же можно сказать о категории конфликта интересов — его регулирование не представлено в российском законодательстве в качестве общей нормы (в отличие от некоторых иных правовых систем). Восполнение подобных пробелов через расширительное толкование норм о представительстве и путем

формулирования общих начал о фидуциарности определенно вызывает интерес и выглядит полезным.

Так, действительное значение института представительства и его категориального аппарата для целого ряда правовых отношений, имеющих с представительством структурные и экономические сходства, оказывается гораздо бóльшим, нежели принято считать. При этом в настоящей работе предпринята попытка сделать общие выводы о сфере применения норм о представительстве и общих начал сформулированной в ней категории фидуциарности, а также о механике и перспективах ее расширения. При этом исторически сложившееся отсутствие глубокой доктринальной проработки данных общих положений в отечественной цивилистике (в значительной мере обусловленное узким пониманием представительства и относительной скромностью объема положений о представительстве в российском законодательстве) вынуждает обратиться к анализу существующих подходов в сравнительной плоскости, в том числе в англо-американском праве (в частности, *agency* и агентская теория).

Ожидается, что данное исследование окажется полезным также с точки зрения расширения гносеологических и методологических перспектив исследования целого ряда схожих с представительством отношений, а также привнесет некоторые дополнительные соображения в систематику гражданско-правовых отношений.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. Должный интерес к теоретическому осмыслению института представительства проявился сравнительно недавно: до конца XVIII — начала XIX века этот институт не отделялся от сопровождающих его типов договорных отношений (поручения, комиссии и пр.), а вопрос о допустимости прямого представительства еще продолжительное время обсуждался как дискуссионный.

Прорыв был осуществлен германскими юристами (первым исследователем института представительства принято считать Г. Бухку (*G. Buchka*)). На благодатную для теоретических изысканий почву под разными углами были излиты различные накопленные к тому моменту категории и подходы. За

относительно короткий период появилось существенное количество работ по теме представительства, и на протяжении XIX века германская наука доминировала в исследовании отношений представительства.

Дореволюционные отечественные цивилисты активно комментировали и переводили работы европейских (преимущественно германских) цивилистов, благодаря чему можно утверждать, что формировалось единое пространство для дискуссии. В этот период в России появилось множество трудов (А.О. Гордона¹, Л.Н. Казанцева², Н.О. Нерсесова³).

Интерес советских ученых к представительству, равно как и гражданскому праву вообще, в условиях плановой экономики значительно снизился. Ю.В. Байгушева указывает, что на протяжении всего советского периода в нашей стране были защищены лишь две диссертации, посвященные теме представительства, — докторская диссертация В.А. Рясенцева и кандидатская диссертация Е.Л. Невзгодиной⁴. Можно назвать как минимум еще две примечательные работы⁵, но в целом с Ю.В. Байгушевой следует согласиться.

Постсоветская российская цивилистика стала уделять больше внимания вопросам частного права и, в частности, проблемам представительства. Выходит большое количество статей, в том числе посвященных как фундаментальным проблемам института представительства, так и отдельным аспектам регулирования и правоприменения. Наиболее обстоятельной книгой по тематике представительства является труд А.В. Егорова, Е.А. Папченковой и

¹ Гордон А.О. Представительство без полномочия / Гордон А. – СПб.: Типо-лит. Ю. Я. Римана, 1893; Гордон А.О. Представительство в гражданском праве / Гордон А. – СПб.: Тип. Шредера, 1879.

² Казанцев Л.Н. Учение о представительстве в гражданском праве : кандидатское рассуждение Л. Казанцева / Л. Н. Казанцев. – Ярославль: В типографии Г. В. Фальк, 1878.

³ Нерсесов Н.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М. : типо-литография И.И. Смирнова, 1878.

⁴ Байгушева Ю.В. Представительство по российскому гражданскому праву: к разработке отечественной доктрины с учетом опыта западноевропейской цивилистики : дис. ... докт. юрид. наук. СПб, 2015. С. 12–13.

⁵ Скловский К.И. Представительство в гражданском праве и процессе: вопросы теории: сущность, содержание, структура: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1981; Субботин Н. А. Представительство в англо-американском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.

А.М. Ширвиндта⁶. Среди множества диссертационных исследований⁷ по теме представительства⁸ хотелось бы выделить докторскую диссертацию Ю.В. Байгушевой, в которой представлен крайне богатый сравнительный материал, а также добросовестный и глубокий анализ значительного числа проблем теории представительства. Работа Ю.В. Байгушевой была подготовлена по результатам целого ряда ранее опубликованных исследований, осуществленных ею как самостоятельно, так и в соавторстве с Е.А. Крашенинниковым.

При этом думается, что узкое понимание представительства и относительная скромность объема положений о нем в российском законодательстве негативно повлияли на процесс выработки общих положений о представительстве в российской науке частного права. В связи с этим в вопросах представительства остается немало пробелов и неразрешенных спорных вопросов, которые не привлекают должного внимания исследователей.

Можно отметить отсутствие специальных исследований по методологии регулирования отношений представительства. Тем временем интерес представляет вопрос о том, какие соображения и закономерности лежат в основе механизма правового регулирования отношений представительства. Отметим, что в российском праве есть работы, посвященные исследованию методов регулирования отношений, примечательной среди них является работа Э.А. Евстигнеева⁹.

Также, несмотря на серьезное количество материала, посвященного тем или иным проблемам теории представительства, в отечественной литературе имеется сравнительно немного исследований, посвященных его конститутивному элементу

⁶ Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. – М.: Статут, 2016.

⁷ Например: Токар Е.Я. Представительство в сфере предпринимательской деятельности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018; Коротков Д.Б. Представительство как гражданское правоотношение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011; Носкова Ю.Б. Представительство в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004; Пантелишина О.В. Правовое регулирование отношений представительства в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007; Муратова А.Р. Институт представительства в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

⁸ Также примечательна кандидатская диссертация А.В. Егорова, выполненная по теме посредничества: Егоров А.В. Понятие посредничества в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

⁹ Евстигнеев Э.А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве. – М.: Инфотропик, 2017.

— полномочию¹⁰. Анализ особенностей данной категории как субъективного права особенно актуален с учетом развития в последние годы учения о субъективном праве.

Кроме того, в современной отечественной доктрине не представлен анализ целого ряда проблем, связанных с экономической проблематикой отношений представительства (в частности, агентской теории применительно к представительству) и фидуциарности отношений как категории более общего характера. В связи с этим в доктрине не ставится вопрос о наличии общих начал для отношений представительства и схожих с ним структурно и экономически отношений.

Таким образом, существующая степень разработанности темы оставляет пространство для дискуссии и потребность в обнаружении оптимальных и более перспективных решений по ряду вопросов.

Объект диссертационного исследования составляют частноправовые отношения в сфере представительства, а также иные правовые отношения, которые имеют схожие с отношениями представительства структурные и экономические особенности, например косвенное представительство, корпоративные отношения.

Предметом диссертационного исследования выступают нормы российского частного права о представительстве, а также их аналоги в иностранных юрисдикциях; нормы российского гражданского права; доктринальная юридическая литература, характеризующая отношения представительства; иностранная юридическая, а также политологическая и социологическая литература, характеризующая агентские отношения в англо-американском праве. Существенное внимание в некоторых частях работы уделяется исследованию судебной практики.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью диссертации является разработка непротиворечивого и логически обоснованного понимания

¹⁰ Невзгодина Е.Л. Полномочие представителя: секундарное или субъективное право? // Вестник ОмГУ. 2013. № 1 (67); Байгушева Ю.В., Крашенинников Е.А. К понятию полномочия // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12. № 2. С. 61–67; Оршин Е.И. Правовая природа полномочия представителя // Журнал российского права. 2007. № 2 (122).

современного состояния института представительства в российском праве и перспектив его развития, соразмерно и адекватно соотносимого (i) с современными подходами к определению базовых категорий гражданского права (в том числе субъективного права), (ii) с особенностями методологии регулирования отношений представительства и (iii) с широким применением норм о представительстве к иным отношениям, имеющим с ним структурные и экономические сходства (обязательственным отношениям, отношениям по поводу вещных прав, наследственным, семейным, корпоративным отношениям и пр.).

Для выполнения указанной цели было поставлено несколько **задач**:

- определить логический объем категории полномочия представителя, т.е. выявить и обосновать характеристики и набор признаков, свойственных этому правовому явлению, и акцентировать иные базовые посылки дальнейшего исследования;
- выявить и критически проанализировать существующие подходы к определению правовой природы полномочия представителя и отношений представительства, а также обосновать оптимальные подходы к таковым;
- выявить и охарактеризовать особенности отношений представительства в сравнении со схожими категориями;
- охарактеризовать методологию регулирования отношений представительства и целеполагание, лежащее в основе подобного регулирования (включая обнаружение наиболее типичных целей императивного вмешательства правопорядка в регулирование отношений представительства);
- выявить и объяснить общие начала, свойственные отношениям представительства, а также иным схожим с ним структурно или экономически отношениям;
- критически проанализировать современное системное значение института представительства в российском гражданском праве и оценить перспективы расширения сферы применения норм о представительстве и общих начал категории фидуциарности.

Во избежание сомнений, ввиду комплексного характера проблематики и ограниченного объема исследования, диссертация не имеет цели подробно осветить и (или) охарактеризовать все без исключения вопросы, касающиеся представительства.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования стал комплекс общенаучных методов познания, включая методы анализа и синтеза, дедуктивный и индуктивный методы, методы научной абстракции, классификации и аналогии, а также иные общенаучные логические методы.

В целях обоснования наиболее оптимальных решений применительно к различным аспектам института представительства в диссертации использован системно-правовой метод. При этом автор нередко опирается на регулирование и доктринальные характеристики общих начал российского гражданского права, а также иных норм общей части гражданского законодательства. Для полноты исследования и обоснования большинства выводов активно используются сравнительный и исторический методы.

Для решения поставленных задач автор обращается к доктрине. В частности, при подготовке исследования были проанализированы работы Ю.В. Байгушевой, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, А.О. Гордона, А.В. Егорова, А.А. Евецкого, Л. Н. Казанцева, О.С. Иоффе, Е.Л. Невзгодиной, Н.О. Нерсесова, Е.А. Папченковой, В.А. Рясенцева, К.И. Скловского, С.В. Третьякова и др. Также автор обращается к зарубежной доктрине, в том числе к германской (Г.Ф. Пухта, Л. Розенберг, Л. Эннекцерус, К. Цвайгерт и Х. Кётц и др.), англо-американской (Э. Эббот, У. Хофельд, П. Долли, Дж. Лаундес, О. У. Холмс и др.) школам.

При этом методология исследования в отдельных главах работы имеет определенную специфику, обусловленную решением тех или иных задач. Так, широкое применение формально-догматического метода в главе 1 объясняется теоретическим характером ряда разрешаемых в ней вопросов, в том числе вопроса о критериях и признаках юридической категории полномочия представителя, его

сопоставлении и разграничении со сходными категориями; о характеристиках и особенностях отношений представительства. Необходимость выявления особенностей методов регулирования отношений представительства в главе 2 обусловила изучение и использование существенного объема нормативного материала и эмпирических данных (в том числе анализируются примеры из законодательства и судебной практики России и зарубежных стран). Анализ этих примеров позволил выявить соотношение императивного и диспозитивного методов регулирования отношений представительства, а формально-логические методы — сформулировать основные причины для ограничения свободы договора и усмотрения участников отношений представительства. В главе 3 активно используются сравнительный метод, а также методы обобщения, классификации и аналогии, благодаря чему удается обнаружить общие структурные и экономические начала отношений представительства и иных фидуциарных отношений, а также ответить на вопрос о существующей сфере применения норм о представительстве и перспективах ее расширения.

Научная новизна диссертационного исследования. В рамках исследования достигнуты результаты, обладающие научной новизной. Во-первых, в работе сформулировано содержание полномочия представителя с учетом последних крупных достижений российской доктрины в области теории субъективного права¹⁰, в связи с чем выявлены некоторые особенности положения субъектов отношений представительства. Во-вторых, в рамках исследования выявлены закономерности методологии регулирования отношений представительства – например, выявлены наиболее типичные (либо иные примечательные) политико-правовые и экономико-правовые соображения для ограничения свободы договора и усмотрения сторон в рамках отношения

¹⁰ Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022. См. также: Третьяков С.В. Некоторые аспекты формирования основных теоретических моделей структуры субъективного частного права // Вестник гражданского права, 2007. – Т. 7. – №. 3. – С. 242–260; Третьяков С.В. О проблеме догматической квалификации «правомочия распоряжения» // Основные проблемы частного права: Сборник статей к юбилею А. Л. Маковского. – М.: Статут, 2010. – С. 317–344; Третьяков С.В. Теоретическая модель права на чужое поведение и начало правонаделения в частном праве // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 7–27.

представительства. Также в рамках данного анализа критически пересмотрен доминирующий взгляд на решение проблемы регулирования отношений с видимостью полномочий. В-третьих, в работе обоснован потенциал института представительства и его норм как системообразующих для большой группы отношений, не являющихся представительством. В связи с этим выявлены перспективы расширения сферы потенциальной применимости норм о представительстве и сформулированных в работе общих начал категории фидуциарности.

Диссертационное исследование позволило автору сформулировать и обосновать **следующие основные положения и выводы**, выносимые на защиту:

1. Содержание полномочия составляет обеспеченная правом поведенческая возможность представителя на совершение сделок от имени представляемого с непосредственным переложением на последнего правового эффекта такой сделки. Основной особенностью полномочия как субъективного права является то, что ему корреспондирует не обязанность, а связанность представляемого, которая, в сущности, заключается в претерпевании и непосредственном принятии на себя прав и обязанностей в результате таких действий. Представитель обладает в отношении полномочия и корреспондирующей ей связанности распорядительными правомочиями, т.е. способностью определять их юридическую судьбу, в том числе, на донарушенной стадии отношений, при осуществлении полномочия или воздержании от такового. Вышесказанное согласуется с пониманием полномочия как субъективного права с точки зрения современных подходов к последнему.

2. Особенность отношений представительства состоит в том, что волеизъявление представителя может создавать, изменять или прекращать права и обязанности представляемого, но не самого представителя. Это играет принципиальную роль при характеристике значения правоспособности и

дееспособности представителя и представляемого по сравнению с участниками иных гражданско-правовых отношений. Так:

- принципиальным свойством представителя является достаточная для совершаемой им сделки дееспособность. При этом представитель может не обладать правоспособностью, необходимой для соответствующей сделки;
- с точки зрения характеристики представляемого, напротив, принципиальное значение имеет его правоспособность, т.е. его возможность быть субъектом соответствующих прав и обязанностей. Полная дееспособность же не является общим требованием к представляемому; она может требоваться только в контексте наделения полномочиями в рамках добровольного представительства (например, для выдачи доверенности).

При этом ст. 21 ГК РФ неоправданно сводит дееспособность гражданина к возможности приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их *только для себя*. Представительство является примером, когда лицо может реализовывать собственную дееспособность для приобретения, осуществления прав, а также создания и исполнения обязанностей для (и от имени) иных лиц.

3. Как и в других частноправовых институтах, свобода воли, частная инициатива и автономия сторон, а также свобода договора являются общим правилом в отношениях представительства. Позитивное законодательство и его императивные нормы могут в той или иной степени ограничивать свободу воли сторон в части возникновения, изменения или прекращения отношений представительства, регулирования объема и пределов полномочий, вопросов осуществления полномочий. Тем не менее, по общему правилу, они не являются источником отношений представительства, а указанные вопросы регулируются усмотрением сторон. При этом императивные нормы имеют наименьшее значение в регулировании отношений добровольного представительства.

С наибольшими ограничениями свобода воли сторон сталкивается в отношениях представительства, связанных с полномочиями из обстановки и иными случаями видимых полномочий. В этих условиях определение правового

результата совершаемой представителем сделки возлагается на позитивное регулирование, а возникновение полномочия выступает инструментом распределения риска между сторонами. Сказанное выше не отменяет характера полномочия как субъективного права. Так, поведение представителя, свидетельствующее о наличии и осуществлении полномочия, является одним из условий признания полномочия существующим.

4. Регулирование видимых полномочий построено российским законодателем по модели признания таких полномочий существующими при наступлении объективных условий: (i) поведения представляемого, из которого добросовестное третье лицо может сделать вывод о наличии у представителя полномочий; (ii) поведения представителя, из которого следует наличие у него полномочий и действие от имени представляемого; и (iii) наличия добросовестных и разумных ожиданий третьих лиц относительно наличия полномочий и характера действий представителя. В рамках этой модели правопорядок сообщает фактическим обстоятельствам правовой результат в виде существования полномочия, а не восполняет отсутствие у представителя полномочия посредством фикции или запрета на возражения об отсутствии полномочия (эстоппеля).

5. Результатом анализа в диссертации различных групп ограничений свободы воли и усмотрения сторон в сфере добровольного представительства является характеристика основных политико-правовых и экономико-правовых соображений, соответствующих таким группам ограничений. Так, запрет на привлечение представителей обычно имеет место в таких отношениях, где последующий контроль за корректным волеизъявлением оказывается менее эффективным, чем предварительный (брак, завещание, согласие на медицинское вмешательство). Запрет на самостоятельное осуществление прав без представителя (вытесняющее полномочие) обычно направлен на упорядочение интересов членов коллектива, а также на обеспечение качества их волеизъявлений. Прочие императивные нормы, которые могут касаться объема полномочий и стандартов деятельности представителей, обычно продиктованы соображениями о

фидуциарности внутренних отношений между представителем и представляемым и необходимости защиты последнего в условиях потенциального конфликта интересов и информационной асимметрии — например, запрет на совершение сделок в отношении себя лично и (или) в отношении иного представляемого направлен на исключение конфликта интересов и негативных результатов агентской проблемы.

6. Отношениям представительства свойственны структурные и экономические особенности, характеризующие целый ряд прочих фидуциарных отношений. Схожие с представительством общие начала обнаруживаются и в публично-правовых институтах, при этом допустимость такой характеристики также находит подтверждение в сравнительном анализе с англо-американским правом. Это подтверждается практикой расширительного толкования и (или) применения норм о представительстве к таким отношениям по аналогии, а также формулированием тезиса о фидуциарности тех или иных отношений (в том числе представительства).

Тем не менее в российском праве не сформулированы общие критерии фидуциарности и последствия признания отношений фидуциарными. Наиболее удачным решением этой проблемы, на наш взгляд, будет дача Пленумом Верховного Суда РФ соответствующих разъяснений. При этом конкретные случаи, значимые для судебной практики, также могут включаться в Обзоры практики Верховного Суда РФ.

7. К критериям фидуциарности отношений следует отнести (i) структурные особенности, т.е. тройственную структуру, когда одно лицо (фидуциар, в том числе представитель) действует от имени и (или) в интересах другого (принципала, в том числе представляемого) в отношениях с третьими лицами; и (ii) экономические особенности — способность фидуциара (в том числе представителя) своими действиями оказывать влияние на права и обязанности принципала (в том числе представляемого), а также имеющийся вследствие этого

потенциал для конфликта интересов принципала (представляемого) и фидуциара (представителя).

В числе необязательных, но характерных признаков таких отношений можно назвать информационную асимметрию (бóльшая информированность фидуциара по сравнению с принципалом): в этих условиях судам надлежит внимательно относиться к анализу содержания отношений и проверять наличие данного необязательного признака в конкретных случаях.

8. К последствиям признания отношений фидуциарными в первую очередь стоит отнести возможность применения к таким отношениям норм о представительстве по аналогии или субсидиарно в той степени, в которой это соответствует сути отношений. Также фидуциарность отношений должна по умолчанию предполагать повышение стандартов добросовестности представителя (фидуциария) и необходимость раскрытия представителем (фидуциарием) информации представляемому (принципалу) о действиях, совершаемых от имени (в интересах) представляемого.

9. Негативные эффекты и риски от конфликта интересов в различных ситуациях могут снижаться или нивелироваться (*i*) надлежащим раскрытием представителем (лицом, действующим в условиях конфликта интересов) информации о конфликте; (*ii*) надлежащим и информированным согласием представляемых; (*iii*) согласованием сторонами правил ведения переговоров и иных параметров отношений на преддоговорном этапе; и (*iv*) иными мерами, имеющими более специальный характер — например, корпоративными политиками и стандартами поведения профессиональных представителей. В отсутствие общего регулирования конфликта интересов в российском праве данный подход находит свое подтверждение в норме п. 3 ст. 182 ГК РФ и практике ее применения, а также отчасти в российской и зарубежной доктрине.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что представленные в нем результаты существенно развивают и дополняют понимание института представительства. В работе развито понимание полномочия представителя с учетом достижений учения

о субъективном праве, и анализ особенностей отношений представительства соответствует данному положению. Выводы, касающиеся методологии регулирования отношений представительства, позволяют сформировать более целостное представление об отношении правопорядка к институту представительства и его проявлениям. Так, помимо дополнения и уточнения общей характеристики метода, в исследовании представлены выводы относительно основных политико-правовых и экономико-правовых соображений, соответствующих конкретным группам ограничений свободы воли и усмотрения сторон в сфере добровольного представительства. Результаты исследования критериев и последствий обнаружения фидуциарности отношений также открывают перспективы для дальнейших исследований института представительства и ряда иных схожих с ним отношений.

Сделанные в исследовании выводы могут использоваться для развития законодательства, судебной и иной правоприменительной практики. В частности, в работе выявлены перспективы расширения сферы потенциальной применимости норм о представительстве. Некоторые положения (такие как вышеупомянутые причины ограничения свободы воли и усмотрения сторон) ценны для толкования, в том числе телеологического, норм о представительстве. Результаты исследования могут иметь применение в договорной, корпоративной и иной деловой практике. В частности, в работе сформулированы рекомендации по снижению или нивелированию негативных эффектов и рисков в связи с конфликтом интересов представителя, которые соответствуют современному уровню развития российского права. Исследование может быть использовано в учебном процессе.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертация выполнена, обсуждена и одобрена в департаменте частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Отдельные положения и выводы настоящего диссертационного исследования докладывались и обсуждались на научных мероприятиях, включая выступление на научно-практических конференциях (например, доклад «Ответственность за чужие действия: представительская природа и возможность

использования агентской теории» на международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Эволюция права-2021»¹¹). Существенная часть сформулированных в ходе диссертационного исследования положений и выводов нашли отражение в публикациях автора по теме диссертации (приведены в разделе III настоящего резюме). Отдельные положения и выводы настоящего диссертационного исследования докладывались и обсуждались на научных мероприятиях.

Структура диссертации предопределена предметом исследования и поставленными в настоящей работе целями и задачами. Работа включает в себя введение, три главы, разделенные на восемь параграфов, заключение и список литературы.

В главе 1 выявляются некоторые общие начала, свойственные представительству и полномочию как его конститутивному элементу, исследуется правовая природа полномочия представителя, а также выявляются содержание и ключевые особенности полномочия представителя как субъективного права.

В главе 2 исследуется методология регулирования отношений представительства, в том числе дается общая характеристика метода, а также более детально изучаются отдельные группы императивных норм в сфере представительства, выявляются причины императивности регулирования тех или иных отношений в сфере представительства.

В главе 3 ставится вопрос о текущей и потенциальной сфере применения норм о представительстве и общих начал категории фидуциарности (в том числе формулируются общие начала категории фидуциарности). Благодаря этому ставится вопрос о действительном значении института представительства для российского права, формулируется ряд практических и теоретических выводов, а также приводятся соображения о потенциале развития законодательства, судебной

¹¹ Конференция проведена: 08.10.2021; организатор: Юридический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Сведения о конференции, а также сборник тезисов конференции доступны по URL: <https://conf.msu.ru/rus/event/6940/> (дата обращения: 24.05.2024).

практики и расширения гносеологических (методологических) перспектив исследования института представительства.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** отражена актуальность темы диссертации, а также степень ее разработанности, поставлены цели и задачи исследования, определены объект, предмет и методы исследования, обосновывается научная новизна, представляются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации исследования, указывается структура диссертации.

Глава 1 диссертации (*«Правовая природа и ключевые особенности полномочия и отношения представительства»*) посвящена поиску ответа на вопросы о природе полномочия представителя, являющегося конститутивным элементом отношений представительства, и о его особенностях как субъективного права, а также об особенностях самих отношений представительства.

В параграфе 1 данной главы (*«Основные характеристики отношения представительства»*) решается предварительная для вышеуказанной цели задача по определению логической категории полномочия представителя. Для этого выявляются некоторые общие начала, свойственные отношениям представительства и полномочию представителя как правовому явлению – в частности, указывается, что анализу подлежит именно прямое представительство (т.е. выступление представителя *от имени* представляемого), а также делается акцент на том, что релевантными являются отношения, в которых представитель совершает юридически значимые действия. Важным представляется обоснование волевого аспекта на стороне представителя – показано, что он действует своей волей (и, в частности, всегда имеет некоторую сферу усмотрения на донарушенной стадии отношений).

В том же параграфе 1 рассматривается важный вопрос о характеристиках правоспособности и дееспособности сторон отношения представительства. В

результате выявлены некоторые особенности при характеристике значения правоспособности и дееспособности представителя по сравнению с обычными участниками гражданского оборота:

- Так, с учетом обозначенного выше волевого аспекта принципиальным свойством представителя является достаточная для совершаемой представителем сделки дееспособность. При этом сам представитель может не обладать правоспособностью, необходимой для соответствующей сделки.

- С точки зрения характеристики представляемого, напротив, принципиальное значение имеет его правоспособность, т.е. возможность иметь соответствующие права и обязанности. Полная дееспособность же не является общим требованием к представляемому. При этом она имеет значение и является необходимой в контексте наделения полномочиями рамках добровольного представительства (например, выдача доверенности).

Также сделан вывод о том, что статья 21 ГК РФ неоправданно сводит дееспособность гражданина к возможности приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их только для себя. Представительство является примером, когда лицо может реализовывать собственную дееспособность для приобретения, осуществления прав, а также создания и исполнения обязанностей для (и от имени) иных лиц.

В параграфе 2 главы 1 диссертации (*«Анализ существующих подходов к определению правовой природы полномочия представителя»*) анализируются основные теоретические подходы к объяснению природы представительства и полномочия как его конститутивного элемента.

Отметим, что в начале параграфа 2 делается вывод о необходимости поиска соответствующего объяснения в рамках репрезентационной теории¹², согласно которой при заключении сделки через представителя действующим лицом является только представитель, а правовое последствие сделки наступает непосредственно в лице представляемого. Задача исследователя в таком случае

¹² Теории неполного представительства, хозяина сделки и теория содействия, которые были ранее распространены в германском праве, на настоящий момент не отвечают потребностям теории.

заключается в поиске основания, по которому сделка, совершенная волей представителя, приобретает силу (непосредственный эффект) для представляемого. При этом в общем виде среди существующих подходов к определению природы полномочия представителя можно с учетом ряда обобщений выявить следующие:

- теория фикции,
- подход к полномочию как к юридическому факту,
- подход к полномочию как к проявлению правоспособности представителя,
- подход к полномочию как к правомочию, не являющемуся самостоятельным субъективным правом,
- подход к полномочию как к субъективному праву. В рамках данного подхода отдельными исследователями полномочие представителя рассматривается как секундарное право.

Очередность рассмотрения данных подходов в параграфе 2 главы 1 обусловлена стремлением осуществить последовательный анализ, а также сделать акцент на преимуществах подхода к полномочию как к субъективному праву, который в работе обоснован в качестве наиболее состоятельного.

В параграфе 3 (*«Полномочие представителя как субъективное право: общие положения и особенности»*) категория полномочия представителя рассматривается более детально с учетом подтвержденного в работе подхода к полномочию как к субъективному праву. Так, данный параграф включает в себя обоснование состоятельности данного подхода (в том числе, решается задача по гармонизации подхода к субъективному праву с представленным пониманием полномочия).

Это позволяет не только учесть место полномочия в системе гражданско-правовых категорий, но также встроить в данную систему выявленную характеристику содержания полномочия как субъективного права. Для целей выявления содержания полномочия как субъективного права применяется его атомизация в соответствии с инструментарием плюралистических теорий.

В результате в диссертации установлено, что *содержание* полномочия представителя составляет обеспеченная правом конкретная *поведенческая возможность* представителя на совершение сделок от имени представляемого с непосредственным переложением правового эффекта такой сделки на представляемого. Важно, что данная поведенческая возможность принадлежит только конкретным лицам, обладающим полномочиями.

При этом, принимая подход к полномочию как к субъективному праву, необходимо понимать особенности, свойственные полномочию в данном контексте. Так, установлено, что *основной особенностью* полномочия как субъективного права является то, что ему корреспондирует не обязанность, а *связанность* представляемого, которая, в сущности, заключается в претерпевании и непосредственном принятии на себя прав и обязанностей в результате таких действий. При этом с точки зрения современной теории субъективного права, данная особенность не является основанием для отказа от характеристики полномочия как субъективного права¹³. Характеристика полномочия как категории *sui generis* или особого вида прав не несла бы в себе пользы с точки зрения его понимания и исследования.

Установлено, что представитель обладает в отношении полномочия (как поведенческой возможности), а также корреспондирующей ей связанности распорядительными полномочиями, т.е. способностью определять их юридическую судьбу, в том числе, на донарушенной стадии отношений, при осуществлении полномочия или воздержании от такового. Вышесказанное согласуется с пониманием полномочия как субъективного права с точки зрения современных подходов к последнему¹⁴.

¹³ См. Третьяков С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике.

¹⁴ См., в частности, подход к полномочию и распорядительным полномочиям (власти), обоснованный в диссертации С.В. Третьякова: Третьяков С. В. Указ. соч.

Глава 2 (*«Методология регулирования отношений представительства»*) состоит из двух параграфов. В ней представлен анализ и характеристика методологии регулирования отношений представительства – как общих начал, так и отдельных положений.

В параграфе 1 главы 2 (*«Общая характеристика методологии регулирования отношений представительства. Вопрос о допустимости прямого представительства»*) рассматривается ряд принципиальных вопросов для исследования методологии регулирования отношений представительства.

Краткий историко-ориентированный анализ в работе показал, что правопорядки расширяли свободу усмотрения сторон отношений представительства постепенно, под влиянием экономических и иных политико-правовых факторов. При этом показано, что следует критически относиться к утверждениям относительно существования общего запрета на представительство в римском праве – использование этой категории как таковой (и, соответственно, сама постановка вопроса об общем запрете) стало возможно лишь в XIX веке, когда она была сформулирована как доктринальное понятие. Понимание данного аспекта важно для восприятия методологии регулирования отношений представительства. Так, некорректно говорить о том, что представительство как явление возникло ввиду допущения его законодателями. Такое утверждение противоречило бы утверждению о примате свободы воли, частной инициативы и автономии участников гражданских правоотношений, свободе договора и, в конце концов, о частно-правовом характере отношений представительства как таковых. Более корректно утверждать, что сами отношения представительства со временем проявлялись все более, а свобода усмотрения сторон таких отношений ограничивалась правопорядками все меньше.

Также в рамках данного параграфа подтверждено, что в современном российском частном праве свобода воли, частная инициатива и автономия сторон, а также свобода договора играют роль базовых принципов и общего правила в отношениях представительства. Позитивное законодательство и его императивные нормы имеют наименьшее значение в регулировании отношений

добровольного представительства. При этом анализ, предпринятый в рамках работы, демонстрирует существенную роль позитивного законодательства, в том числе его императивных норм, в сфере представительства – в особенности, в ситуациях, отличных от добровольного представительства.

Как более подробно проанализировано в параграфе 2 главы 2, свобода воли сторон сталкивается с наибольшими ограничениями и может полностью (или практически полностью) нивелироваться в отношениях представительства, связанных с полномочиями из обстановки и иными случаями видимых полномочий. В таких условиях определение правового результата совершаемой представителем сделки возлагается преимущественно на позитивное регулирование, а возникновение полномочия выступает инструментом распределения риска между сторонами. Сказанное выше не отменяет характера полномочия как субъективного права. При этом поведение представителя, свидетельствующее о наличии и осуществлении полномочия, является одним из условий признания полномочия существующим.

В рамках параграфа 2 главы 2 (*«Анализ отдельных групп норм, регулирующих отношения представительства»*) произведен эмпирико-ориентированный анализ различных групп императивных норм в сфере представительства – в том числе, в части решения вопроса о существовании представительства (запрет на привлечение представителей и вытесняющие полномочия), а также ограничений в отношении содержания полномочия и прочих ограничений в отношении деятельности представителя.

В результате в рамках параграфа 2 главы 2 выявлены наиболее типичные политико-правовые и экономико-правовые причины для различных групп ограничений свободы договора и усмотрения сторон в сфере добровольного представительства. В частности:

- запрет на привлечение представителей в ряде случаев ориентирован на верификацию их воли и волеизъявления в рамках совершения наиболее значимых юридических действий, когда последующий контроль за корректным

волеизъявлением оказывается менее эффективным, чем предварительный (брак, завещание, согласие на медицинское вмешательство);

- запрет на самостоятельное осуществление прав без представителя (вытесняющее полномочие) преимущественно направлен на упорядочение интересов коллектива управомоченных лиц, на повышение эффективности их взаимодействия, а также на обеспечение качества их волеизъявлений;

- прочие императивные нормы могут касаться объема полномочий и стандартов деятельности представляемых. Примечательно, что наиболее типичным политико-правовым и экономико-правовым соображением, заложенным в такие нормы, является необходимость защитить представляемого, а сами такие нормы нередко продиктованы соображениями о фидуциарности представительских отношений – например, запрет на совершение сделок в отношении себя лично и (или) в отношении иного представляемого направлен на исключение конфликта интересов и негативных результатов агентской проблемы¹⁵.

Как указывалось выше, в параграфе 2 главы 2 подробно рассмотрен подход российского законодателя к регулированию видимых полномочий. Установлено, что такое регулирование построено по модели признания таких полномочий существующими при наступлении объективных условий: (i) поведения представляемого, из которого добросовестное третье лицо может сделать вывод о наличии у представителя полномочий; (ii) поведения представителя, из которого следует наличие у него полномочий и действие от имени представляемого; и (iii) наличия добросовестных и разумных ожиданий третьих лиц относительно наличия полномочий и характера действий представителя. Вопреки популярному в российской доктрине подходу, в рамках этой модели правопорядок не восполняет отсутствие у представителя полномочия посредством фикции или запрета на

¹⁵ Что примечательно, в российском праве отсутствует общая норма о конфликте интересов. При этом ее роль для непредставительских отношений нередко выполняют применяемые по аналогии положения о представительстве (преимущественно, п. 3 ст. 182 ГК РФ о запрете обоюдного представительства и совершения сделок в отношении себя лично), а также толкование принципа добросовестности с учетом вышеуказанных положений. Представляется целесообразным рассмотреть формулирование общих норм о конфликте интересов в Гражданском кодексе Российской Федерации либо дачу разъяснений по вопросам конфликта интересов высшей судебной инстанцией.

возражения об отсутствии полномочия (эстоппеля), а сообщает фактическим обстоятельствам правовой результат в виде существования полномочия.

Глава 3 диссертации (*«Сфера применения норм о представительстве и общих положений о фидуциарности»*) состоит из трех параграфов. Речь в этой главе идет о применении норм о представительстве и общих положений и закономерностей в рамках данного института (а также выработанных на их основе общих положений категории фидуциарности) к отношениям, имеющим с представительством структурные и экономические сходства.

В параграфе 1 главы 3 (*«Применение норм о представительстве в иных отношениях: реальность и перспективы»*) выполнена подготовительная работа, т.е. рассмотрены примеры применения норм о представительстве и закономерностей, заложенных в регулирование представительства, к близким к представительству отношениям – косвенное представительство, корпоративные отношения, процессуальное представительство, положение арбитражного управляющего и душеприказчика, управление чужим имуществом. Более того, с учетом некоторых допущений, можно увидеть, что нормы о представительстве или выработанные в рамках института общие положения могут применяться и к публично-правовым отношениям (что также имеет место в сравнительном контексте – в частности, в англо-американском праве).

Во избежание сомнений, в диссертации не утверждается, что все рассмотренные в параграфе 1 главы 3 отношения являются представительством в понимании российского гражданского права. Напротив, безотносительно споров о представительском характере тех или иных отношений в доктрине, к ним применяются некоторые нормы о представительстве. При этом выявлено, что отношениям представительства свойственны структурные и экономические особенности, характеризующие целый ряд прочих отношений.

В параграфе 2 главы 3 (*«Общие начала фидуциарности»*) предпринята попытка объяснить тот факт, что отношениям представительства свойственны структурные и экономические особенности, характеризующие целый ряд прочих отношений. Кроме того, с учетом этого объяснения формулируются общие начала

(критерии фидуциарности и последствия их обнаружения). Данный параграф состоит из двух частей.

В первой части параграфа ставится вопрос о множестве, позволяющем объединить отношения представительства с иными отношениями, к которым применяются нормы о представительстве и общие положения. Рассматривалось три возможных объяснения такого множества отношений – фидуциарные отношения, агентские отношения и категория ведения чужого дела. Указанные категории не сформулированы в российском праве как общая норма или общепризнанная (конвенциональная) концепция. Более того, каждое из рассмотренных множеств обладает существенными сходствами. В связи с этим выбор категории фидуциарности для дальнейшего анализа является в определенной степени условным – ключевую роль в данном случае сыграла наибольшая известность российскому правопорядку, а также распространенная в российской судебной практике и доктрине позиция о фидуциарности отношений представительства.

Общие начала категории фидуциарности, т.е. критерии и последствия признания отношений фидуциарными, сформулированы во второй части параграфа 2 главы 3. Так, на основании сказанного в диссертации о представительстве и схожих с ним отношений выявлены особенности фидуциарных отношений:

– с точки зрения структуры, отношениям представительства свойственна следующая тройственная структура: представляемый — представитель — третье лицо. При этом имущественная сфера представляемого напрямую затрагивается действиями представителя, который осуществляет взаимодействие с третьим лицом от имени и (или) в интересах) представляемого;

– с точки зрения экономических особенностей внутренних отношений между принципалом и фидуциаром (в т.ч., представителем и представляемым), отмечается наличие способности фидуциара (в том числе, представителя) своими действиями оказывать влияние на права и обязанности принципала (в том числе представляемого) – в отношениях представительства в узком смысле –

непосредственно; в иных отношениях – также косвенно; и заложенный в описанную модель представительства потенциала для противоречия интересов сторон (кратко, агентскую проблему).

В параграфе 3 главы 3 («Возможности использования выявленных общих начал фидуциарности») проанализированы перспективы использования выявленных выше общих начал категории фидуциарности (критериев фидуциарности и последствий их обнаружения) для практических и гносеологических (методологических) целей. Выработанная теоретическая основа в действительности позволяет решить несколько проблем.

Во-первых, во многом ввиду отсутствия в российском позитивном праве общих норм о фидуциарности, в доктрине и судебной практике также не сформулированы (хотя бы конвенционально) общие критерии фидуциарности и последствия признания отношений фидуциарными. В результате анализа сделан вывод, что наиболее удачным решением данной проблемы будет дача Пленумом Верховного Суда РФ соответствующих разъяснений. При этом конкретные случаи, значимые для судебной практики, также могут включаться в Обзоры практики Верховного Суда РФ.

При этом установлено, что:

- к критериям фидуциарности отношений следует отнести (i) структурные особенности, т.е. тройственную структуру, когда одно лицо (фидуциар, в том числе представитель) действует от имени и (или) в интересах другого (принципала, в том числе представляемого) в отношениях с третьими лицами; и (ii) экономические особенности — способность фидуциара (в том числе представителя) своими действиями оказывать влияние на права и обязанности принципала (в том числе представляемого), а также имеющийся вследствие этого потенциал для конфликта интересов принципала (представляемого) и фидуциара (представителя).

В числе необязательных, но характерных признаков таких отношений можно назвать информационную асимметрию (бóльшая информированность фидуциара по сравнению с принципалом): в этих условиях судам надлежит внимательно

относиться к анализу содержания отношений и проверять наличие данного необязательного признака в конкретных случаях;

- к последствиям признания отношений фидуциарными в первую очередь стоит отнести возможность применения к таким отношениям норм о представительстве по аналогии или субсидиарно в той степени, в которой это соответствует сути отношений. Также фидуциарность отношений должна по умолчанию предполагать повышение стандартов добросовестности представителя (фидуциария) и необходимость раскрытия представителем (фидуциарием) информации представляемому (принципалу) о действиях, совершаемых от имени (в интересах) представляемого.

В работе рассмотрен пример использования данной теоретической базы и выявлены перспективы развития общих норм о конфликте интересов и дальнейшей разработки данной категории в российском праве. В частности, сделан вывод о том, что негативные эффекты и риски от конфликта интересов в различных ситуациях могут снижаться или нивелироваться (i) надлежащим раскрытием представителем (лицом, действующим в условиях конфликта интересов) информации о конфликте; (ii) надлежащим и информированным согласием представляемых; (iii) согласованием сторонами правил ведения переговоров и иных параметров отношений на преддоговорном этапе; и (iv) иными мерами, имеющими более специальный характер – например, корпоративными политиками и внутренними стандартами поведения профессиональных представителей. В отсутствие общего регулирования конфликта интересов в российском праве данный подход находит свое подтверждение в практике применения нормы п. 3 ст. 182 ГК РФ, а также отчасти в российской и зарубежной доктрине.

Во-вторых, выявленные выше общие начала категории фидуциарности могут использоваться для расширения гносеологической перспективы изучения представительства и иных фидуциарных отношений. В частности, признание вышеустановленных общих положений как доктринальной опоры категории фидуциарности позволяет осознанно обращаться к достижениям агентской теории

в англо-американском праве, а также адаптировать доктринальные наработки в отношении категории ведения чужого дела.

В **Заключении** излагаются итоги диссертационного исследования, суммированы некоторые его результаты и, где это применимо, даны комментарии по их взаимосвязи с иными исследованиями, а также по дальнейшему применению таких результатов.

СПИСОК РЕЛЕВАНТНЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По теме диссертационного исследования подготовлены статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных НИУ ВШЭ и (или) ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук (общим объемом 4,45 п.л.; личный вклад автора составляет 4,45 п.л.):

Публикации в изданиях, рекомендованных НИУ ВШЭ (список В):

1. Каримов Д. А. Сфера применения норм о представительстве: реальность и перспективы. // Закон. 2023. № 12. С. 89–99 (1,12 п.л.);
2. Каримов Д. А. Обоюдное (двойное) представительство в российском праве: проблемы допустимости и снижение рисков сторон // Закон. 2023. № 4. С. 158–171 (1,07 п.л.);
3. Каримов Д. А. Ответственность за чужие действия: представительская природа и возможность использования агентской теории // Закон. 2022. № 7. С. 184–197 (1,15 п.л.).

Публикация в издании из перечня ВАК:

4. Каримов Д. А. Ограничение свободы усмотрения лица при решении вопроса о существовании представительства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 1. С. 96–106 (1,11 п.л.).